№ 36
СЕНТЯБРЬ 1928 — ШЕСТОЙ ГОД ИЗДАНИЯ — ЦЕНА 15 КОП.

СМЕХАЧ

Рис. И. Малютина

— А что, — это летят не те прославленные римские гуси?
— Не-ет! Тех подобрал «Красин»!

Рис. А. Радакова

ДОКУМЕНТ,

который недействителен, несмотря на все подписи.

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ БИОГРАФИИ

Один знакомый мой...
(Не важно, как зовут,
Его мы просто «он» поименуем тут) —
Так вот знакомый «он»,
Хоть скромной был особой,
Но чувствую к нему
Я интерес особый...
Хоть жизнь обычную вел в этом мире он,
Как люди прочие, мечтал, бывал влюблен,
Ложился спать, вставал,
Служил и в отпуск ездил,
Имел жену, детей... Ну, словом, честь по чести...
На первый взгляд обычнейший удел,
Ход мирных дней, досугов, снов и дел —
Но тем не менее подробное знакомство
С историей его полезно для потомства...
Но не историк я... Лишь факт один, другой
Могу я изложить неопытной рукой...

— Сегодня мы — в театр!
Так он сказал жене.
Поехали.
Луна сияла в вышине
И, кажется, благоухали липы.
Трамвай. И на площадке он.
Жена колышется и испускает всхлипы,
А он кричит:
— Пройдите-ка в вагон!
А, между тем, вагон
Наполнен до отказу,
Смятенье, давка, стон,
Но повторяет он заученную фразу:
— Пройдите-ка в вагон!
Попробуйте сказать... с улыбкой... осторожно,
Что, мол, физически пройти вам невозможно,
Он затрясется весь и, сделавшись румян,
Визгливо крикнет:
— Хулиган!
И вот — в театре он.
Он нервно трет висок:
Сидящий впереди... чорт!.. чересчур высок!
Тут мой знакомый
Изойдет в обиде,
Что, мол, из-за того он ничего не видел,
И будет он брюзжать, бородку теребя,
Жену измучит он: мол, все из-за тебя,
Я говорил всегда,
Что здесь театр «босяцкий!»

На сцене ж чудеса
Костюмов, жестов, слов —
Там Гамлет мается,
Там рвет и мечет Чацкий,
Там городничиху облапил Хлестаков!

В Париже,
В Токио
О нас шумит молва.
Театр наш знаменит!
Мы первенство имеем —
Всем миром признана
Советская Москва
Отныне театральным корифеем,
А он... знакомый мой,
Сопит, как в кухне кран,
Антракта жаждая до пота,
На мейерхольдов блеск глядит вполоборота
И шепчет:
— Хулиган!

Но вот уж близится
Минута катастрофы...
Что будет с Гамлетом?
Сбежит ли Хлестаков?
И Чацкий между шуб и гайдуков
Последние выкрикивает строфы...
А он... знакомый мой...
Свой у него мирок!
Что мир страстей ему? Измена, слезы, громы...
Хватает Гамлет меч!
А он, а мой знакомый
Хватает гардеробный номерок.
О, он умен, знакомый мой хороший,
За пять минут
До взрыва, до конца
Бежит из зала он со скоростью гонца —
Скорее к вешалке!
Галоши! Где галоши!
А вот они!
Надел.
И кончены все страсти.
Он успокоился. Немного раздражен.
— Трамвай еще идет?
— Эй, граждане, пролазьте!
Пройдите-ка в вагон!

Зубило

ПЛОДЫ ХАЛТУРЫ

Журналист Опенкин возвращался домой в 12 часов ночи. Он шел, напевая что-то такое веселенькое, и его прорезиненное пальто шумело, как пачка новеньких червонцев.

По бритой его физиономии и по походке можно было подумать, что человек счастлив.

И, действительно, хорошо ведь живется Опенкину: жена в Кисловодске лечится, вот уже второй месяц, в журналах печатают его статьи, авансов за ним нет. Что тебе еще надо, журналист Опенкин?

— Мне надо до зарезу к толстовским дням свежую, оригинальную темку. Такую темку, чтоб друзья от зависти лопались, как автомобильные шины!

Вот что ему надо.

О чем бы написать? — думал он. — Может быть, про то, как граждане не читали Толстого. Собрались и спорят, в каком году Лев Николаевич написал «Капитанскую дочку»? И назвать эту статью «Власть тьмы»...

— Отставить, это уж было!— сказал почти вслух Опенкин и начал выдумывать другую тему: «Толстой в молодости». Было! «Толстой в семье».—Было! Чорт возьми, так о чем же написать?

— Барин, дайте на ночлег,— услыхал Опенкин рядом с собой голос какого-то крестьянина с котомкой за плечами.

«Может быть, написать про нищих?» — мелькнуло в голове Опенкина.

— «При чем тут нищие в толстовские дни?» — сказал он сам себе резко и спросил у крестьянина:

— Какой губернии?

— Тульской.

— Говоришь, Тульской? — оживился Опенкин. — А графа Льва Николаевича Толстого знал?

— А как же! Хороший был граф. Попросишь у него пятачок на ночлег, а он тебе гривенник.

— Постой, постой, не спеши! —перебил его Опенкин.— Отвечай по вопросам. Приходилось тебе с ним косить?

— А как же! Бывало, косишь, косишь, а потом скажешь ему: «Барин, т.-е., товарищ, дай на ночлег!» Слова не скажет...

— Опять ты про свое!—крикнул на него Опенкин. — Отвечай только на вопросы. — Хорошо косил Толстой?

— Хорошо.

— И ты с ним косил?

— А как же, завсегда вместях!—сказал крестьянин и закашлялся.

— Вместе? — переспросил Опенкин.

— А то как же. И косили вместе, и ели вместе, и на ночлег попросишь, а он тебе гривенник.

— Ну, а еще что про него расскажешь?

— Да что про него зря говорить?

— Значит, плохого ничего не замечал? Ну, а все-таки, графство его в чем-нибудь проявлялось?

— Не без этого: на то они граф.

— Значит, говоришь, проявлялось? Хорошо, хорошо. — Вот тебе целковый и ступай.

Опенкин пришел домой и сел за письменный стол. К утру им были написаны две статьи. Одна называлась «Живой свидетель» и начиналась так: «Вчера я встретил Кузьму Павлюкова — крестьянина Тульской губернии, с которым Лев Николаевич всегда косил».

Эта статья была предназначена для журнала «Вперед», где о Толстом писали только хорошее. Вторая статья называлась просто «Классовый свидетель» и начиналась так: «Позавчера я встретил Павла Кузьменкова, крестьянина Тульской губернии, с которым граф Толстой всегда косил». В конце второй статьи Опенкин написал:

«И на прощанье сказал мне Павел Кузьменков: «На то он и граф!» В этих словах был весь Толстой».

Эта статья была назначена для журнала «Авангард», где Толстого ругали.

— Меньше, чем по полсотни, за каждую статью не возьму. А мне-то это всего стоило целковый. Вот как надо работать!— похвалил сам себя Опенкин и заснул.

А крестьянин, который получил с него рубль, тоже хвалился перед такими же крестьянами, как и он:

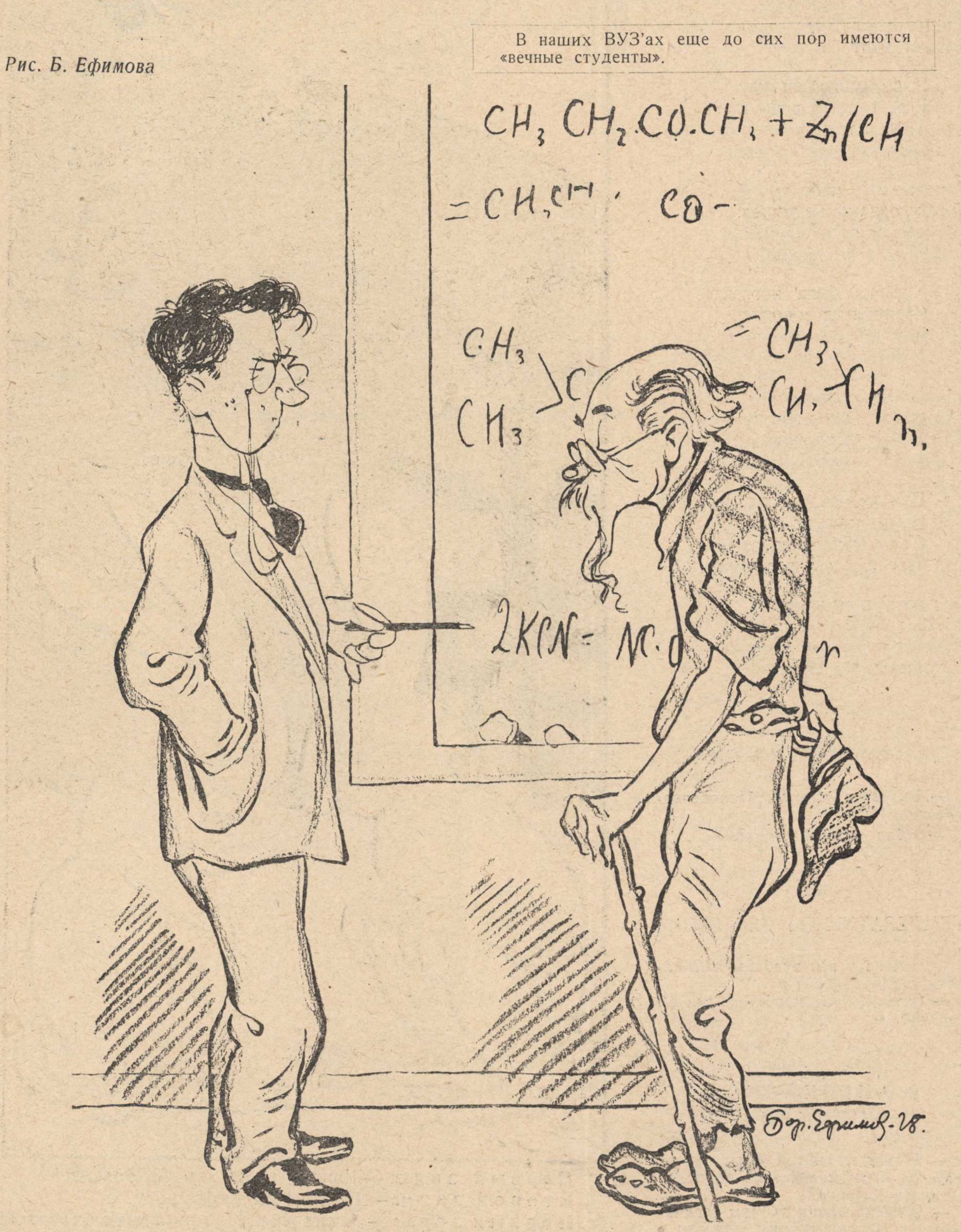
— Попался мне один голубь, рупь с него содрал. Только за то, что набрехал ему про какого-то графа. Вот как надо работать!

Б. Левин

СТАРОСТЬ—НЕ РАДОСТЬ

Рис. Б. Ефимова

В наших ВУЗ'ах еще до сих пор имеются «вечные студенты».

СТАРИК: — Экзаменуйте меня, молодой человек, скорее, а то я не выдержу...

КЛИМАТИЧЕСКИЕ ЧАСТУШКИ

Ничего хорошего!
На судьбу в обиде я;
Лето с милым прожила —
Лета и не видела.

Вынь погоду да положь!
И чего тут проще?—
Вышел милый без галош,
А за милым дождик!

Милый—в луже. Шлет поклон.
(Мокрая ворона!)
Говорит: антициклон!
Подожду циклона...

Месяц август. Милый мой
Сидит на заваленке —
С непокрытой головой,
И даже без валенок!

Был июнь. К июлю ближе.
Петя сел на порожок.
Прикрепляет Петя лыжи,
Потому идет снежок!

Я с компанией иду
Для купания в пруду.
Тихо плещется народ —
Ледокол идет вперед!

Покрывалось небо тучей,
Дождь, однако, не пошел.
Обсуждали этот случай,
Записали в протокол!

Хороша была погода —
Старожилы говорят...
Вот погода: дождь полгода,
А потом — полгода град!

Ничего не понимаю,
Очевидно — не пойму:
Сам в Калуге проживаю,
А погода — как в Крыму!

Приезжал дружок на дачу
С удочкою на удачу.
Сел. От радости заржал,
Так как выудил моржа!

Под ногами месиво,
В общем — очень весело!
Начинает дождик течь—
Затопи-ка, Маша, печь!

Зубило

СВОЯ МАТЕМАТИКА

— Назовите пример бесконечно-малой величины!

— Обед в нашей столовке.

ТЕМПЕРАТУРНОЕ СЛЕДСТВИЕ

— Отчего у вас вузовцы занимаются с прохладцей?

— Оттого, что в общежитии не топлено.

В АНГЛИЙСКОЙ ЦЕРКВИ

— Скажите, святой отец, какие должны быть молебствия по поводу пакта Келлога?..

— О ниспослании победы английскому и французскому оружию в борьбе с врагами.

БОРЕЦ

Вставай! — сказала Дуняха, толкая Семена Дурмашина.— Вставай, идол! Рожает!

Семен Дурмашин крякнул, сплюнул и, ругнувшись в полголоса, всал на ноги.

— Рожает, гришь? — спросил он хриплым со сна голосом и подтянул штаны.

— Рожает!.. За бабкой побежали!..

Семен выругался еще раз, широко перекрестился и выбежал на двор.

— Эк ее не во время! — ворчал Семен, запрягая лошадь и сплевывая на руки, чтоб затянуть супонь. — Никакого понятия у этих баб нет!.. Куды-ы тут — ни свет, ни заря ехать!..

И Дурмашин остервенело пнул мерина сапогом в живот. Через десять минут, осторожно спустившись с косогора, Семен вытащил из-под себя кнут и принялся нахлестывать ни в чем неповинного мерина, а через двадцать минут село Еропегово обогатилось новым гражданином, маленьким Санькой Дурмашиным.

Торопливо, полутайком через день крестили Саньку Дурмашина, а Санькин папаша, предсельсовета гражданин Семен Иваныч Дурмашин, толкался в городе по учреждениям и вкрадчиво говорил канцелярским служащим:

— Выходит, значит, что бумажку мне нужно... Ежели, значит, не по вашему это ведомству, то справочку дайте: «Так, мол, и так, был 20 июля у нас гражданин Семен Иваныч Дурмашин и в просьбе его отказано...».

Справки ему не давали.

Дурмашин терпеливо часами стоял у стола, читал равнодушными глазами засиженные мухами плакаты и тяжело вздыхал.

Когда Дурмашин надоедал до осточертения, служащий пожимал плечами, злобно плевал под стол и выдавал справку.

Дурмашин благодарил и удалялся.

22 июля Дурмашин вернулся домой.

Поставив лошадь, Семен вошел в избу, затворил двери, отвел жену в дальний угол, чтобы не было видно с улицы, и спокойно сказал:

— Ори громчей!.. Вроде, как бить буду!

Жена завыла в голос.

— Громчей ори, дура! — повторил Дурмашин, стоя рядом с женой и нетерпеливо свертывая цыгарку.

Жена орала громче.

Инструктор из уезда стоял перед Дурмашиным и говорил вразумительным тоном:

— Не хорошо, т. Дурмашин. Конечно, жена ваша неправильно поступила, что крестила ребенка. Сами виноваты: не надо было в город ехать...

— Да кто-ж ее знал! — почесывался Дурмашин.—Вчерась я, скажем, уехал, а седни она родила... Коли-б я дома был...

— Да, — продолжал инструктор: — я понимаю ваше возмущение, но зачем же бить женщину? Нехорошо...

— В городе я был,—потрясал бумажками Семен,—вот и число двадцатое, а она без меня, стерьва...

Когда инструктор ушел, Дурмашин вытер руками со лба пот, облегченно вздохнул и спросил тещу:

— Попу-то заплатили?

— Заплатили.

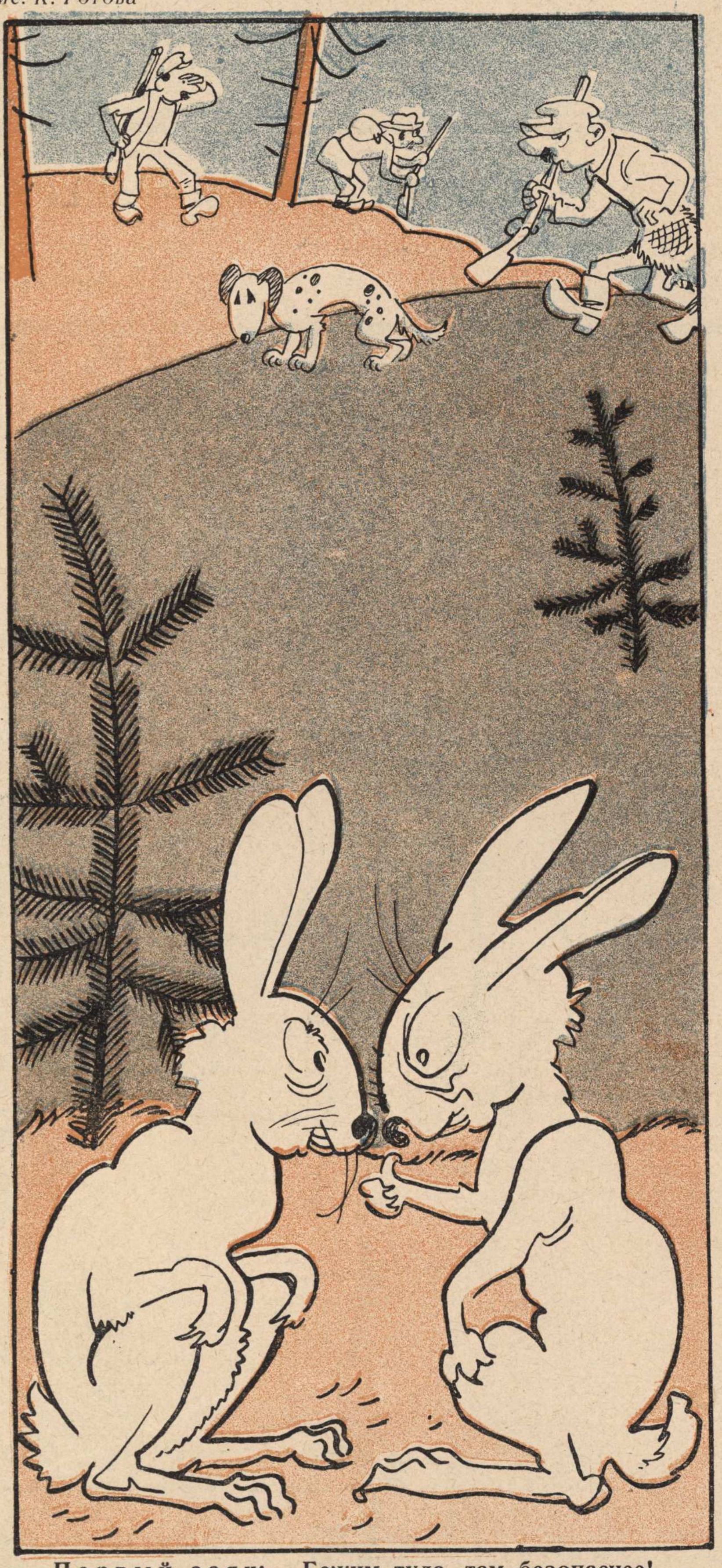
— Ну, слава те господи!

И весело улыбнулся.

Р. Волженин

ВЕРНАЯ ПРИМЕТА

Рис. К. Ротова

Первый заяц: — Бежим туда, там безопаснее!
Второй заяц: — Почему ты думаешь?
Первый заяц: — А там железнодорожники охотятся: они нашего брата не всегда замечают...

ПОКАЗАТЕЛЬНЫЙ МЕЩАНИН

В помещение клуба вошел плохо одетый человек и обратился к клубным работникам:

— Меня зовут Сатинкин. Не нужен ли вам показательный мещанин?

Если бы вошедший предложил безгорбого верблюда, клубные работники удивились бы меньше, чем сейчас.

— Чего удивляться? Сезонный товар! Необходим для диспутов о мещанстве и для показ-судов над осколками старого быта. Я избиваю ежедневно жену и детей, пьянствую круглые сутки, дорогу в баню забыл еще до октября. В диспансер не пойду ни в жизнь! Разложился я до ужаса, и цена мне—червяк с каждого показательного суда. Идет?

Культработники с отвращением взглянули на Сатинкина:

— Чудовище... Жуть.

Но чудовище было все-таки соблазнительно. В наш век самокритики, когда каждый готов найти недостатки у другого, тем самым скрыв личные, — этот саморазоблачающийся бытовой преступник, раскрывающий для всеобщего возмущения все свои гнусности, — был поистине находкой и дешевкой.

— Ладно! Заплатим! Приходите завтра на показательный суд! А может быть вы будете каяться на суде?

— Обалдели, что ли? — грубо ответил Сатинкин. — Я — есмь зараза, и это меня устраивает!

На-завтра он появился, развязный и наглый, перед огромной аудиторией и выбранными из ее среды судьями.

— Гр. Сатинкин! Вы обвиняетесь в избиении жены и детей! Что вы имеете показать по этому делу?

— А что, окромя кулака, показывать-то? Раз рука у меня тяжелая, отчего-ж не накостылять бабу-то? Я завсегда бью тех, что слабже меня.

Ропот возмущения прошел по аудитории. Кто-то крикнул:

— Подлец!

— Призываю к порядку! — сказал председатель. — А вы пьете, гр. Сатинкин?

— Как же иначе? Пил, пью и пить буду! Была-б только выпивация! Э-эх! И люблю же это я захмелеть! Разлягишься под забором, морда в мостовую окунется, граждане об тебя спотыкаются, а ты сам, гы-гы, вроде барона лежишь!

— Негодяй! — крикнул опять кто-то с места.—Позор! Вырвать такого на корню!

— Тише! Следствие продолжается!.. Гр. Сатинкин, знаете ли вы, что чистота залог здоровья?

— Залог? — захохотал Сатинкин. — Хорош залог, ежели под ее посуду не дают. Я никогда не мылся, не моюсь и не буду мыться. Зачем? Все одно замараешься!

— Свинья! Грязная скотина! — послышалось из публики.

— Спокойно! А нет ли у вас желания избавиться от этих пороков?

— А для ча? Мне хорошо и с ними. Я веселее вас живу. Разогнать бы только к чертям всю эту диспансерию...

— Слово предоставляется обвинителю.

— Товарищи! Вот осколок старого быта. Суд предложил ему исправиться, — он отказался! Его уже не вернуть в наши ряды.

А как он дошел до жизни такой? Увы, просто! Началось это «с одной только рюмочки», с первого резкого слова, сказанного жене, т. е. с того, что имеет место, увы, в каждой семье. И вот—результат! Сатинкины нетерпимы в нашей среде, но помните одно: Сатинкин начал с малого. Вы правильно реагировали с мест на преступника. Прикончите же теперь у себя начало сатинкинщины!

Защитник сказал следующее:

— Защищать отказываюсь. Он слишком гадок. Присоединяюсь к обвинителю.

Затем было дано последнее слово и подсудимому.

— Дурачье! Монахи, юродивые! Какой есть, таким сдох...

— Долой его! Уничтожьте его, — вот наш приговор. Хватит волынки!

И Сатинкина пришлось убрать с эстрады, а возмущенные зрители расходились с такими словами:

— Вот до чего доводит несознательность! И не думал даже! Выходит,—бросать надо, чтоб самому не пропасть!

А Сатинкин, честно заработав свою десятку, не прощаясь, ушел в темную пропасть ночи.

Нет! Не в кабак пошел он! С радостной улыбкой направился он в Молокосоюз и, купив там всякой снеди, побежал домой. Там его встретили жена и ребенок, которых он нежно поцеловал.

— Катенька, вот продукты! Проголодались, небось, бедняжки! Задержался я сегодня на работе-то! Потому и опоздал.

— Бедный! Тяжелая это вещь поденщина! Что, опять грузить пришлось? Устал ты, Коленька чай?

— Па-апка устяля! — пропищал ребенок.

— Ах ты, бутузик мой! — восторженно обнял Сатинкин ребенка. — Смена ты моя дорогая!

— Коленька! Какую яичницу сделать? Простую или глазунью?

Было тихо и уютно. Самовар кипел. Сатинкин прилаживал какую-то полку к стене, ребенок играл в солдатики, а жена, слушая радио, штопала чулки...

А на завтра Сатинкин уже стоял перед заведующим нового клуба и нагло предлагал свои услуги:

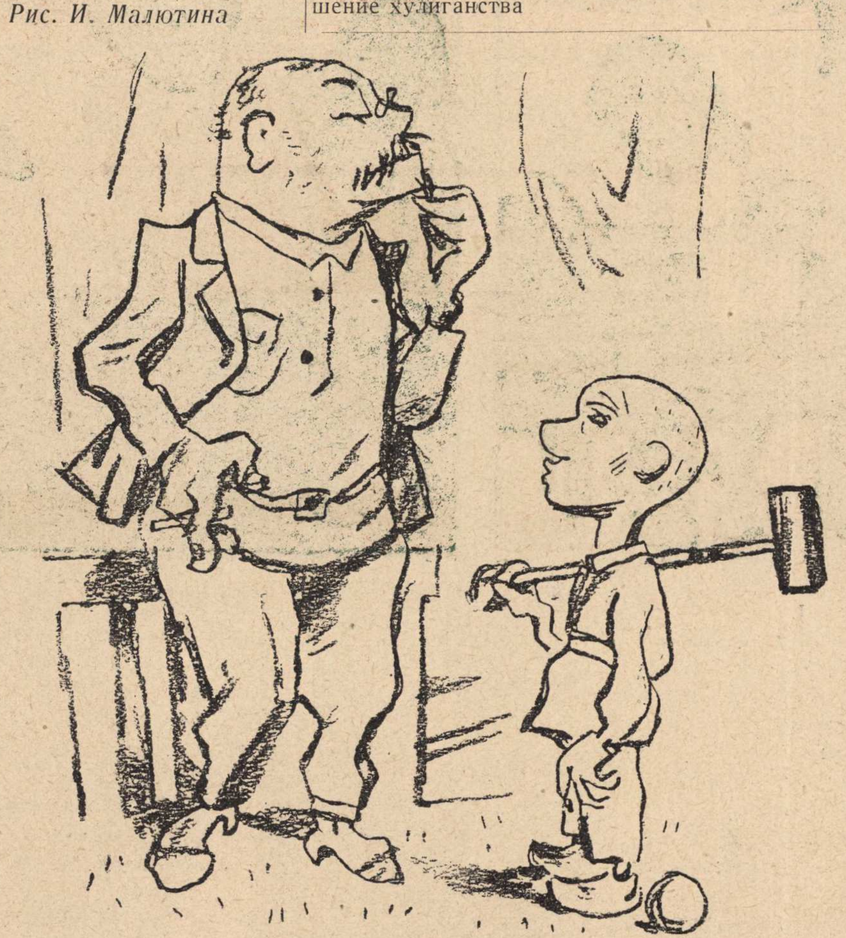
— ... Могу быть показательным культ-преступником! Жену — в кровь! Три привода! Белая горячка!..

М. Коварский

ПРИ ОДНОМ УСЛОВИИ

Закрытие пивных и винных магазинов на окраинах некоторых городов сразу дало уменьшение хулиганства

Рис. И. Малютина

— Скажи, папочка, а может человек безопасно для здоровья пробежать десять километров?
— Почему же? Если только пивных по дороге нет.

ДОМАШНИЕ ЧУБАРЧИКИ

Вы не подумайте, это не те,
Чья стая густая в ночной темноте
В тиши обезлюдевших улиц
Запоздавших девиц караулит.

Эти не стаей. Эти по одному.
Этим не надо дожидаться ночки.
Они работают на дому;
Они, так сказать, чубари-одиночки.

Товарищи барышни, ежели вас
Какой-нибудь парень умный и чуткий
Очень убедительно и потрясающе вежливо
Просит отбросить к чертям предрассудки,
Говорит, что ваши взгляды на брак
Не что иное, как сплошная отсталость,
Что у вас в голове средневековый мрак,
Что это еще от феодализма осталось,

Что гордиться невинностью—мещанское чванство
И что, вообще, сопротивляться — мещанство,
Чтоб вы не боялись дурных болезней,
Что мещанки с болезнями даже полезней,

Что все ваши глупые страхи—пустяк,
Что надо ловить моменты поярче,—
Знайте, барышни: говорящий так —
Это и есть домашний чубарчик!

Михаил Вольпин

ГРАЖДАНИН ШЕЛУДНЯК

Рис. К. Ротова

Текст. Н. Агнивцева

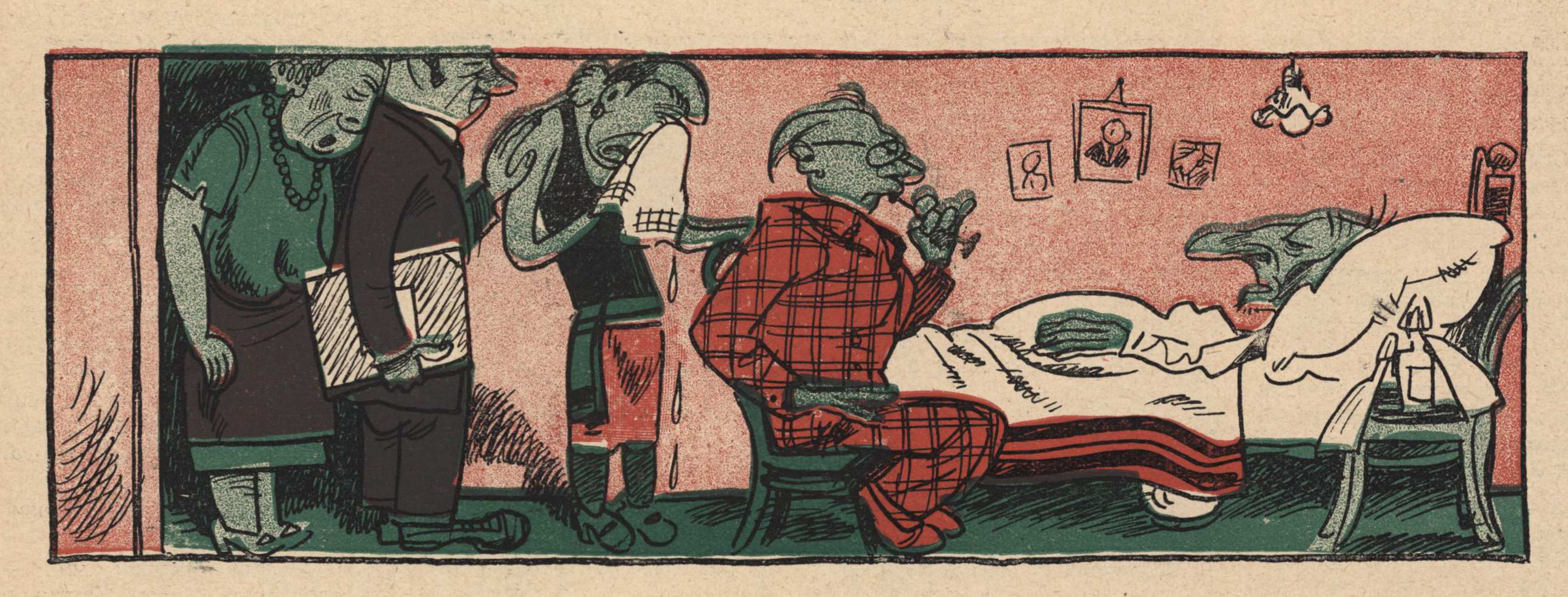

1.

С разновидностью огромной
В каждом месте, так иль сяк,
Очень тихо, очень скромно
Обитает Шелудняк.
И к нему по коридорам
Прется множество людей
С неизменным разговором:
— «Дайте справку поскорей!»
— «Извиняюсь! Я — мелкая сошка!
Где уж мне уж решать от себя!..
Как прикажет товарищ Тимошкин,—
Так и я!..»

2.

Заседанье с профдокладом!
Актуальнейший вопрос!
И ютится тут-же рядом
Шелуднякин скромный нос...
Голоса—разноголосы:
Этот — эдак! Этот — так!
— «Ну-с, по данному вопросу—
Ваше мненье, Шелудняк?..»
— «Извиняюсь! Я — мелкая сошка!
Где уж мне уж решать от себя!..
Как прикажет товарищ Тимошкин,—
Так и я!..»

3.

Как-то ночью, дрыгнув ножкой,
Ни с того и ни с сего,
Помирать он стал немножко...
И спросили у него:
— «Так и так, мол! В сей юдоли —
Прежде, чем в могилку лечь,
Как насчет посмертной воли:
Закопать вас—или сжечь?»
— «Извиняюсь! Я — мелкая сошка!
Где уж мне уж решать от себя!..
Как прикажет товарищ Тимошкин,
Так и я!..»

Спешной почтой. Доплатное.

Не подписывайтесь на второй заем индустриализации.

Пилсудский.

СЧАСТЛИВОЕ ИСКЛЮЧЕНИЕ

Рис. М. Черемных

— Вот, брат, редкое здание, о котором никто не скажет: «Почему в него вложено столько денег?».

НОВАТОР ИЗ БИРЗУЛЫ

Пока Наркомпрос, оторвавшись на часик от классических, но убыточных теней Шекспира и истлевшей сто лет назад Фанни Эльснер *), с завидным усердием штудирует Песталоцци и Жан-Жака Руссо, в поисках новых путей нашей школы,—

— в опаленной степными ветрами украинской Бирзуле некий Марченко Николай уже, говорят, отыскал совершенно оригинальный путь.

Он скромен и еще неизвестен, этот Марченко,—он всего только преподаватель бирзульской профшколы, но, по множеству данных, достоин более громкой участи.

Прежде всего,—пределов его учебной эрудиции, буквально, нет.

Только по скромному собственному признанию, прозябающий в Бирзуле гений знает следующие необходимейшие для профшколы дисциплины:

— математику и украинский язык;

— литературу и физику;

— механику, фотографию и... гипнотизм!

Но преподавательские возможности Марченко этим не ограничены. Он еще и «артист русской драмы», и он-же драматург,— счастливейшее сочетание, которому нехватает только театра и публики.

Если прибавить к этому победоносную наружность и уменье носить во внеслужебное время домино «а ля Вертинский» и декламировать сердцещипательные вирши под аккомпанимент облупленной мандолины и собственных вздохов,

— то личность учителя Марченко явно перерастает бирзульские горизонты и даже пугает местное родительское население таким угрожающим ассортиментом талантов.

Большой практик и поклонник «Комплексного метода», (понимаемого по-свойски), новатор Марченко преподает все науки сразу,—«комплектами»,—и нашел совершенно оригинальный подход к юношеству.

В своих письменных лекциях, адресованных подросткам-ученицам, Марченко незаметно и ловко знакомит их с рядом наук, а для начала с изящной словесностью:

«— Я не знаю, поймешь-ли ты меня»,—так начинает он один из уроков своей 16-летней ученице,—«чтобы понять все и во всей полноте, надо знать миллионы мелочей,—(тут незаметно вкраплена арифметика!)—мелочей, из которых ткалась моя жизнь. Пусть *понять нельзя,* но ведь *можно поверить,* и я прошу тебя поверить мне!».

Правильно! Доверие к учителю —залог успеха. Но зачем-же такая фамильярность?

Об'ясняется она в следующем уроке—письме к такому-же подростку:

«—Вся душа моя пела и сердце билось от ожидания, — деловито диктует Марченко,—я считал часы и готов был негодовать на солнце, что оно движется медленно».

Бедное солнце! Чуть-чуть не пострадало! Хорошо, что профессор, забыв о нем, переходит дальше к истории,—правда, собственной «угасающей жизни», в рассуждении «раннего холода в одинокой душе», а затем и к зачаткам географии:

«—умоляю тебя, встреть—(новаторство и в грамматике!)—

— встреть меня в 8 вечера, я буду итти (!!) по бульвару, мимо электрички» и т. д.

По сообщению двух рабкоров сразу ,под таинственным «и т. д.» понимается иногда квартира гениального Марченко, где он, якобы, обучает своих учениц *прикладной фотографии,* а, может, и *«физическим опытам».*

Не забыта в лекциях и некоторая механика:

«—вложи ответ,—просит Марченко друга-ученицу,—в «Русскую Музу», а я получу его вместе с книгой».

Использовать российскую пиитику в качестве письмоносца,— это ли не хитрая механика?

***

Завидовать таланту грех; да мы и не завидуем Наркомпросу, что у него есть такие широко подготовленные учителя.

Но не слишком-ли увлекается смелый новатор в поисках доверия в сердцах учениц?

Не слишком-ли «профессиональный» у него подход?

И, может быть, не зря родители столь энергично развиваемых учениц опасаются, что бирзульская профшкола, под энергичным влиянием «друга-учителя», от самых элементарных познаний внезапно перейдет...

— к алиментарным?

Леонид Саянский

*) **Фанни Эльснер** — знаменитая балерина прошлого века. Песталоцци—крупнейший педагог того-же времени, основатель системы воспитания и обучения. Жан-Жак Руссо —французский философ XVIII столетия, занимавшийся вопросами воспитания.

ЗЕРКАЛО И... ГРАЖДАНКА

В московском зоопарке к обезьянам поставили большое зеркало. Обезьяны отнеслись к зеркалу вполне спокойно.

Рис. В. Козлинского

ОБЕЗЬЯНА (своей подруге): — **Не бери примера с людей, — не строй рож перед зеркалом!**

ПЕССИМИСТ НА КУРОРТЕ

— Как хорошо! Пальмы, скамейки...

— Ну, что хорошего? А где — столы и оффицианты?

СВЕЖИЙ ПОСЕЛОК

— А где же у этого дома солнечная сторона?

— Солнечных нет, — темных сторон сколько угодно!

ВСЯКАЯ БУЗА

Распространение художественных произведений очень полезная вещь, но в Керчи, по словам «Красной Керчи», это распространение ведется так.

Покупаете вы билет на пароход, а вам к нему прибавляют открытку.

— А ежели мне не надо открытки и гривенника жаль?

— Берите, берите, иначе билета не дам...

Конечно, открытка продается с благотворительной целью, но это уже слишком...

Еще хорошо, что в Керчи коров с благотворительной целью не продают, а то попробуй тогда — попутешествуй...

**

В гор. Серпухове, по свидетельству газеты «Набат», в рабочем общежитии «Октябрь» сломалась лестница и рабочие не выходят на улицу, а выпрыгивают.

Физкультура очень хорошее дело, но всему должно быть свое время, и прыжки «ласточкой» с бидоном керосина, например, или с бельевой корзиной, вряд ли могут закалить чье-либо здоровье.

**

У нас нет-нет, да снова поднимется вопрос о том, что казенными автомобилями и то нельзя пользоваться не в служебном порядке, а в провинции, как, например, в Пскове находятся такие ловкачи, которые по словам «Псковского Набата» — ухитряются даже городской трамвай превратить в собственный экипаж.

Так, завед. псковскими электропредприятиями, провожая знакомых, говорит вагоновожатому:

— Подожди. Вернусь — поедем!

И вагон ждет.

Что же в этом случае должны делать начальники станций с паровозами? Ездить на них купаться в озеро или за папиросами их посылать?

ТАРАКАНЫ В ТЕСТЕ

В последних книжках «Лефа» В. Шкловский рассматривает сюжет «Войны и мира» в его связи с материалом:

«Война и мир» — вещь максимально наполненная материалом. Установка автора и дана именно на показ материала и на его изменение.

Работа писателя линейна, распределена не на определенных сюжетных точках, а по всему протяжению романа.

Художественные неравенства создаются опять-таки методами показа материала и преодоления материала стилем.

Словом,—не Лев Толстой, а—Леф Толстой!

★

«Надо об'явить войну истязателям трамваев — войну до победного конца!» — восклицает журнал «Пионер» (смотри статью «Бедные трамваи» в № 7) и приводит воистину потрясающие факты:

На окраинах ребята развлекаются «стрельбой». Стреляют камнями в окна проходящих трамваев. Стекло стоит 5 рублей 10 копеек. В среднем в месяц «настрелянных» стекол выходит 200 штук.

Подсчитайте-ка, сколько это стоит! Головы, разбитые пассажирам, мы не считаем.

Чего там считать!

Голова пассажира — это тебе не зеркальное трамвайное стекло, которое стоит — шутка сказать? — целых 5 рублей и 10 копеек!!!

ПОМЕНЯЛИСЬ РОЛЯМИ

Во дни Спартакиады, в Москве состязания в беге происходили на беговом ипподроме.

Рис. К. Ротова

ЛОШАДЬ (обращаясь к другой лошади): — В прошлом заезде я поставила на этого рыжего, а он опять пришел последним!

КОМЕДИЙНОЕ

Ни одни только золотые зубы хозяина магазина можно было бы купить себе и демисезонное пальто, и ботинки, и носков в волю.

Словом,—магазин был, что надо, и торговали в нем обувью.

Приказчиков было пять, а покупателей — шесть. Я думаю, что только поэтому меня наградили обворожительной улыбкой и попросили подождать одну только минуточку. И вот здесь-то я из покупателя ботинок превратился в действующее лицо одной комедии.

Вошла женщина почти что бедно одетая и, не считаясь ни с чем, сразу же заговорила:

— Вот,—сказала она,—купила я вчера у вас ботиночки, а они,—говорят—картонные. Мне, граждане, картонные ботиночки совсем не нужны. Мне носить ботиночки надобно, а не смотреть на них.

ПРИКАЗЧИК

Что же вам угодно, гражданка?

ЖЕНЩИНА

Возвратите мне назад мои двенадцать рублей.

ПРИКАЗЧИК

К сожалению, мы денег не возвращаем, — это общее торговое правило. Если вы недовольны товаром, то мы с удовольствием переменим его на другой экземпляр. Желаете, я переменю?

ЖЕНЩИНА

Нет, не желаю.

ПРИКАЗЧИК

Интересно знать, — почему?

ЖЕНЩИНА

Потому, что я вам не верю. Вы меня уже один раз обманули, а так как я не понимаю в обуви, то вы обманете меня еще раз.

ПРИКАЗЧИК

Я вас очень прошу не выражаться. Вы позорите доброе имя магазина. Вас за это можно отдать под суд, — мы картоном не торгуем.

ЖЕНЩИНА

А эти ботиночки?

ПРИКАЗЧИК

В этих ботинках картона нет ни на каплю.

ЖЕНЩИНА

Эти ботинки картонные. Я человек бедный и ботинки мне нужны, чтобы их носить, а не под колпаком держать. Я вас очень прошу,— верните деньги.

Входит ХОЗЯИН

Вы, гражданка, говорите, не понимая, что говорите. Желаете,— мы сейчас докажем вам, что в этих ботинках картона нет? Хотите, я сейчас возьму нож и разрежу эти ботинки, и вы своими собственными глазами убедитесь, что здесь только одна кожа?

ЖЕНЩИНА

Н... н... ну... хочу...

ХОЗЯИН

Это будет вам стоить только двенадцать рублей. За двенадцать рублей я разрежу эти ботинки и потом, когда вам от стыда некуда будет девать свои глаза, я подарю их вам в премию к другой паре. Ну? Желаете? Платите двенадцать рублей! Где мой ножик? Ну? Ну, что же вы молчите? Почему же вы не платите? Ведь, только двенадцать рублей!

ЖЕНЩИНА

Потому что у меня их нет.

(Начинается издевательство над женщиной. Ножик так и пляшет над ботинками, в ожидании той секунды, когда двенадцать рублей будут внесены в кассу.)

Вмешиваюсь в действо я.

Я

Вот, пожалуйста, двенадцать рублей. Режьте смело ботиночки,— успокойте эту бедную женщину.

(Секундное замешательвам.)

ХОЗЯИН

(Его лицо не сразу начинает гармонировать словам).

Ах, вы платите? Великолепно! Вот теперь мы докажем, кто прав, и этой, опозорившей нашу фирму, женщине будет очень, очень стыдно! Мы даже докажем не на этой паре, а на какой-нибудь другой, чтобы эта подозрительная женщина убедилась, что у нас весь товар не картонный.

Я

(Упрямо).—Нет, уж, вы докажите именно на этой паре.

ХОЗЯИН

Вы так хотите? Что у вас за странное желание! Пожалуйста! Разве мне жалко? Изв...

ЖЕНЩИНА

Вы взяли не мою пару, а другую.

ХОЗЯИН

(Загораясь). Я возьму и третью, и четвертую, и пятую и двадцать пятую, я весь магазин перережу, но докажу, что у нас картоном никогда не торговали!

Я

(Сочувственно ему. Мне тоже хочется, чтобы кому-нибудь стало стыдно). Ну, господи благослови, режьте!

ХОЗЯИН

Ну, выбирайте сами, какую пару резать? Я на все иду, чтобы доказать. (Поворачиваясь к женщине). А вам что теперь нужно? Вам нужны ваши двенадцать рублей? Извольте, нате вам ваши деньги, но только уходите!

ЖЕНЩИНА

(Получив деньги). Позвольте мне посмотреть, как вы будете резать?

ХОЗЯИН

(Злобно). Извините! Извините! Это вам не бывший Мариинский Академический театр, и я вам не Димитрий Смирнов! Я вас покорно прошу удалиться из магазина!

ЖЕНЩИНА

Бедному человеку и посмотреть нельзя! (Уходит, все же довольная).

ХОЗЯИН

(Обращается ко мне чрезвычайно миролюбиво). Слушайте, охота вам выбрасывать двенадцать рублей? Вы же обязательно проиграете их! Зачем их выбрасывать? Лучше вы немножко приплатите, каких-нибудь пять-шесть рублей, и возьмите себе парочку хороших скороходовских ботинок, — у нас есть как раз на вашу ногу.

Я

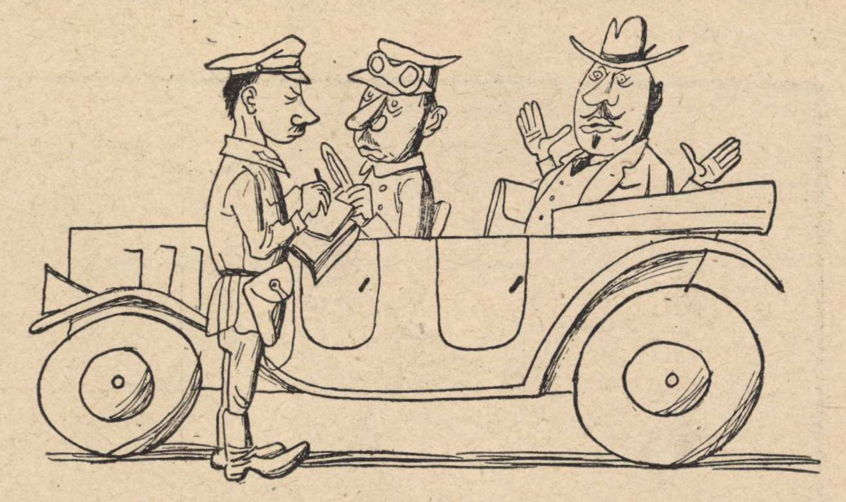
(Тоже чрезвычайно миролюбиво). Отлично. Тем более, что женщина уже ушла, а ботинки не вашей фирмы...

Евграф Дольский

ЗАКОЛДОВАННЫЙ КРУГ

Рис. Б. Малаховского

Введены штрафы за слишком быструю езду.

— Чорт возьми! Здесь привлекают за скорость, в тресте — за медленность... Сплошная неразбериха!

КОНСТРУКТИВИСТ В КОЛХОЗЕ

(Современная басня)

**Сказав восторженно: — «Надолго и всерьез
В деревню, в глушь с писателями еду!»,
Поэт-конструктивист отправился в колхоз
И там повел с крестьянином беседу:
— «Голубчик, к вам в колхоз
Я рифмы усеченные привез.
Мои конструктивистские трофеи:
Двухстопный ямб, метафоры, трохеи,
Пятиударник, ассонанс, —
Не рифмы ветхие, как ржавый дилижанс,
А рифмы новые, взлетающие гордо,
Как авиэтки Форда!
Послушай же, работник от сохи,
Мои конструктивистские стихи...»
Принявши подобающую позу
И став лицом к колхозу,
Поэт давай читать поэму в тыщу строк,
И был поток метафор так широк! —
Забили слов ключи причудливей фонтанов...
Сельвинский слышался, и чудился Кирсанов,
Бодлер, и Гюисманс, Ролан, и По, и Амп,
И с метонимией переплетался ямб!..
Лежал, поверженный, во прахе
Развенчанный и дряхлый амфибрахий,
И веял новый стих, как перья опахал...
Крестьянин же тем временем — пахал.
Продекламировав поэму,
Где разрешал «звучания» проблему,
Конструктивист завзятый мой
Побрел домой,
И на пути нежданно этом
Столкнулся с беспредметником-поэтом.
И беспредметник рек: — «Отбились мы от рук...
Тебя весь день в колхозе мы искали...
Откуда, милый друг?»
— «Откуда? Мы пахали!..»**

Михаил Пустынин

ТОЧНАЯ ДИРЕКТИВА

— С кем прикажете согласовывать горячую активность?

— С управделами, а смелую инициативу — с директором.

СЕМЕЙНОЕ

— Не понимаю, Манечка, за что меня отозвали из горсовета? Ведь я ничего не сделал!

— Вот именно за это тебя и отозвали!

В САНАТОРИИ

Рис. Б. Малаховского

— Еслиб не мертвый час, — всыпал бы я этому воришке!

40 ЧЕЛОВЕК и 8 ЛОШАДЕЙ

СТАРЫЕ ВЕЩИ

«Пресс-клише» решило облагодетельствовать провинциальные газеты и разослало им такого рода предложения:

> *Уважаемый товарищ редактор!*
>
> *К 100-летию со дня рождения Л. Н. Толстого мы выпускаем серию клише, размером 1 и 2 колонки. В серию входят следующие снимки:*
>
> *Диван, на котором родился Толстой и на котором любил отдыхать — 2 р. 50 коп.*
>
> *Кресло, которым пользовался Толстой во время болезни — 1 р 50 коп.*
>
> *Простой деревянный умывальник Л. Н. Толстого — 1 р. 50 коп.*

Продешевили. Налив в умывальничек водички, которую пил великий писатель, можно было-б смело копеек на двадцать взять дороже.

СЛАДКО ПЕЛ..

Инспектор Главсельпрома ВСНХ СССР т. Грацианов, осмотрев сахзавод имени т. Чубаря, пишет такую характеристику этого завода:

Сахарный завод своей компактностью, чистотой, обилием света и порядка, даже в период производства ремонтных работ, представляет красивую игрушку, где приятно не только побывать и посмотреть, но и несомненно легко и приятно работать.

Работа в сельхозе и заводе протекает с полным спокойствием и стройностью, без излишней сутолоки и недоразумений, и чувствуется невольно тесная, дружественная совместная работа, направленная к единой цели, что служит безусловно залогом всяких успехов в области хозяйственного строительства.

Любовь двигает горами. Любовь к делу всех работников Чубаревского сахзавода, их дружная работа, стимулируемая единой мыслью и идеей, — это те рычаги и тот путь, которым все предприятие может гордиться, при наличии которых оно достигло своего настоящего положения и состояния.

При таких условиях и в такой обстановке можно смело смотреть в будущее.

В будущем советуем инспектора Грацианова не посылать на обследование нашей сахарной промышленности, ибо в его докладах так много «воды», что сахзаводы могут растаять.

ИЗ-ЗА ЭТОЙ ПРОКЛЯТОЙ КОПЕЙКИ...

Правление московского текстильного института отношением за № 1579 сообщает Акционерному Обществу «Лесосиндикат»:

Подтверждая правильность присланной контокоррентной выписки нашего у Вас счета по состоянию на I/V с. г. с сальдо в нашу пользу 06 к., просим уплатить таковые пред'явителю сего Панькину М. И., подпись коего Панькин удостоверяется.

Член Правления РАЙС.
Бухгалтер И. СОЛОВЬЕВ.
Секретарь Правления ЛОБОВ.

Товарищ, приславший нам этот документ, пишет:

Проезд трамваем от Донской улицы, где помещается текстильный институт, до «Лесосиндиката» стоит в один конец 14 копеек, Панькин в ожидании кассира просидел 1 час.

Принимая еще во внимание, что это отношение подписали трое, можно с уверенностью сказать, что в московском текстильном институте все так сильно заняты режимом экономии, что даже некому с бюрократизмом бороться.

Издатель — **«Гудок».** Адрес редакции—Москва, Страстной бульвар, 11. Ответственный редактор — **А. Богдасаров.**

Главлит А20481. Москва, тип «Гудок», ул. Станкевича, 7. Заказ № 1568. Тираж 100.000.

Рис. А. Радакова

ЗАГОВОРИЛСЯ

РУКОВОДИТЕЛЬ: — А вот, товарищи, на этой картине граф Толстой во время использовывания очередного отпуска, согласно кодекса законов о труде.